

Цзинь Ни, топчась на месте, никак не хотел уходить.

Му Цунъюнь видел, что тот медлит, и, разумеется, не мог просто бросить его и уйти медитировать. Впрочем, спрашивать напрямую, почему гость до сих пор здесь, было бы невежливо — выглядело бы так, будто он его выпроваживает. Пришлось лишь недоуменно смотреть на юношу.

Что еще случилось? Если не скажешь сейчас, я уйду тренироваться.

Му Цунъюнь привык сохранять бесстрастное выражение лица, поэтому едва уловимая тень сомнения в его глазах ускользнула от внимания Цзинь Ни. Тот лишь увидел, что Старший брат помрачнел, давление вокруг него стало еще тяжелее, и теперь он холодно буравил его взглядом, словно готовый в любую секунду обнажить меч.

Хотя Старший брат был очень хорош собой, мало кто мог выдержать этот ледяной взгляд.

Цзинь Ни почувствовал нешуточное напряжение. Он не осмеливался вести себя слишком нагло перед Старшим братом, поэтому, лихорадочно вращая глазами, в поисках спасения уставился на Шэнь Ци:

— У меня есть дело к Шэнь Ци!

Шэнь Ци, которого внезапно втянули в разговор, вопросительно приподнял бровь. Он медленно повернул голову и мрачно, с недобрым прищуром уставился на Цзинь Ни.

В сердце Цзинь Ни Шэнь Ци был куда безобиднее Старшего брата. Он полностью проигнорировал угрюмый взгляд последнего и, изображая закадычного друга, бесцеремонно протиснулся рядом, усаживаясь на одно с ним место.

Шэнь Ци изначально сидел на декоративном камне у галереи. Камень был невелик, и одному там сидеть было еще куда ни шло, но с появлением Цзинь Ни стало тесно и неудобно.

— ...

Шэнь Ци с интересом принял сверток и заглянул внутрь: кроме повседневных вещей, там лежали одежда ученика, духовные камни и немного мелких серебряных монет, которыми пользовались в мире смертных.

Видя, что все разошлись, Му Цунъюнь не стал обращать внимания на рассыпавшиеся по земле камни и протянул Шэнь Ци мешочек для хранения:

— Сходи выбери себе комнату. Если чего-то будет не хватать, скажи Второй сестре.

Цзинь Ни:

— ...

Он даже не заметил, что это Шэнь Ци исподтишка пакостил, и решил, что декоративный камень оказался некачественным. Покраснев от досады, он пробормотал, оправдываясь перед Му Цунъюнем:

— Это наверняка те люди из Зала Нефрита опять купили по дешевке какую-то подделку, чтобы сэкономить! Сейчас же пойду к Второй сестре, пусть она идет и требует объяснений с Залом Нефрита!

Сделав вид, что осмотрел жилье, Шэнь Ци намеренно выбрал комнату по соседству с покоем Му Цунъюня.

Шэнь Ци едва заметно хмыкнул.

Как же этот «хвостик» болтлив!

Шэнь Ци подавил готовую появиться на губах усмешку и, обернувшись, пожаловался Му Цунъюню:

— Он раздавил камень Старшего брата.

Му Цунъюнь, стоя у входа в комнату Шэнь Ци, открыл было рот, чтобы что-то сказать, но так и не решился. Молча он развернулся и ушел к себе.

Заметив, что Му Цунъюнь отчаянно нуждается в одиночестве, Шэнь Ци не стал нагнать, убрал мешочек и отправился выбирать комнату.

Пусть будет так, раз уж поселили.

Шэнь Ци, почувствовав, что у двери кто-то задержался, не обернулся, но на его губах заиграла злая усмешка.

Наверное, в ближайшее время этот дурак больше не осмелится приходить в Минъюэ Цанлу.

Шэнь Ци покрутил деревянный браслет, щелкнул по двум птицам, которые, казалось, изрядно облезли, и тихо пробормотал себе под нос:

— Этот глупый кролик только выглядит хитрецом.

Когда Му Цунъюнь вернулся после тренировки, он обнаружил, что у него появился сосед.

Закончив свою «жалобу», Шэнь Ци с укором уставился на Цзинь Ни. А когда тот попытался положить руку ему на плечо, Шэнь Ци не выдержал: он поднялся и с силой надавил ладонью на декоративный камень, вложив в это всю мощь своей ци.

Хрупкий камень мгновенно разлетелся вдребезги. Цзинь Ни, сидевший на нем, не ожидал такой подлянки, рухнул на землю и теперь, весь в пыли, поспешно поднимался на ноги.

Не дожидаясь ответа Му Цунъюня, он понесся прочь, словно у него горело под хвостом.

И вправду, его слишком легко водить за нос. Это даже добавило немного веселья в его скучные будни.

*

В ту ночь Шэнь Ци остался в комнате рядом с покоями Му Цунъюня.

Благодаря своему уровню культивации он уже не нуждался в обычном сне для восстановления сил. Однако, поскольку он только прибыл в Сюаньлин и помнил предостережение Се Цыфэна, Шэнь Ци опасался, что тот может следить за ним втайне. Поэтому он не стал рисковать и решил медитировать.

Энергия Скверны заструилась по телу, словно тысячи острых лезвий, разрезающих меридианы.

Шэнь Ци сидел, скрестив ноги; по его губам струилась тонкая нить крови, но он даже не нахмурился.

Спустя долгое время он открыл глаза. Его окутывал слабый серый туман. Только когда туман полностью впитался в тело, Шэнь Ци встал.

Он подошел к окну и посмотрел на холодную луну, застывшую в небе. Выражение его лица было тяжелым.

Боль от циркуляции Энергии Скверны была для него пустяком, но с момента перерождения во время медитаций его постоянно преследовали отвратительные воспоминания прошлого.

Эти гниющие, дурно пахнущие события превратились в демонов сердца, не давая ему сделать ни шага вперед.

Шэнь Ци смотрел вдаль и прошептал:

— Если я сейчас пойду и убью ее, демоны сердца, должно быть, исчезнут?

Человеческие зрачки медленно вытянулись, превращаясь в вертикальные зрачки Расы драконов, подернутые ледяным, ненавидящим блеском.

Жажда убийства вспыхнула ярким пламенем. Шэнь Ци сделал шаг к выходу.

Но стоило ему открыть дверь, как он столкнулся с Му Цунъюнем, стоявшем во дворе. Оба замерли.

Шэнь Ци мгновенно переменялся в лице и удивленно посмотрел на него:

— Старший брат, почему ты до сих пор не отдыхаешь?

— ...

Му Цунъюнь ничего не ответил. Не признаваться же, что он не может уснуть, потому что привык к тишине, а теперь по соседству поселился кто-то другой.

— А почему ты не спишь?

Шэнь Ци опустил ресницы, не скрывая мрачного настроения, и наполовину правдиво, наполовину лживо произнес:

— Мне приснился кошмар о моей матери. Я немного испугался.

Юноша стоял там, окутанный холодным лунным светом, который отбрасывал на его лицо мягкие тени. Это был первый раз, когда он упомянул своих родителей, но выбрал для этого слова «кошмар» и «страх».

Му Цунъюнь не знал, через что прошел этот подросток, поэтому мог лишь мягко утешить его:

— Это всего лишь сон, не принимай его близко к сердцу.

А что, если в этом сне все было правдой?

Вопрос вертелся на языке, но Шэнь Ци проглотил его. Он странно посмотрел на Му Цунъюня, и желание убивать внезапно утихло.

Он вспомнил видение из иллюзии: женщина, не жалея себя, прижимала к груди своего ребенка. Ее тело было таким хрупким, но рядом с ней было так безопасно. Те двое детей перед смертью, должно быть, тоже не чувствовали страха?

Дети, у которых есть мать, всегда чувствуют себя увереннее.

Он также вспомнил объятие, которое днем не вызвало у него отторжения, а, наоборот, показалось удивительно комфортным.

В глубине его тела зарождалось странное томление. Оно поднималось вдоль позвоночника, заставляя отчаянно захотеть обнять того, кто стоял перед ним, и еще раз испытать это чувство.

Шэнь Ци сжал ладони до боли, подавляя внезапную волну голода, и, сохранив на лице мрачное и жалостливое выражение, тихо произнес:

— Это был не сон. Это правда.

Он незаметно приблизился, не сводя глаз с Му Цунъюня, читая на его лице сопротивление, сомнение и сдержанность. Он знал, что Му Цунъюнь не любит телесных контактов и изо всех сил борется с желанием отстраниться.

— Мать нашла себе другого и родила ребенка, она больше не хотела меня, — наполовину правдиво начал рассказывать он, изображая беспомощность и слабость. Его голос подрагивал от подавляемой хрипоты, и он медленно прислонился головой к плечу Му Цунъюня.

Му Цунъюнь заметно напрягся. Он дернулся, словно собираясь отступить, но в нерешительности замер.

Шэнь Ци, добившись своего, победно изогнул губы и бесцеремонно обвил руками его талию.

Их тела плотно прижались друг к другу, кожа шеи, не защищенная одеждой, обменивалась теплом. Пустота, терзавшая его сердце, наконец начала заполняться. Шэнь Ци прищурился, наслаждаясь этим ощущением, и тихо выдохнул.

Оказывается, вот оно какое — это чувство.

Вскоре после того, как он появился на свет, мать покинула Тяньвайтянь. Тогда он был лишь яйцом, и не понимал, что это значит. Он родился недоношенным, лишенным защитной чешуи сердца, поэтому вылупиться ему было сложнее, чем другим юным драконам. Он пробыл в скорлупе сто лет. В тот день, когда он наконец смог пробить ее, отец тоже бросил его.

Но до этого отец возлагал на него большие надежды, веря, что он станет выдающимся талантом среди Чжулунов, первым, кто выведет свой род с Горы Чжуншань за пределы Тяньвайтяня.

У главы клана было много наложниц и еще больше детей. Но только его, еще не вылупившегося, отец каждый день носил с собой, согревая самым чистым огненным духом клана.

Возможно, именно поэтому у него пробудился разум, когда он был еще в яйце, и он мог чувствовать, что происходит снаружи. Он знал, что хоть у него нет матери, у него есть отец, который любит его сильнее других.

Боясь, что отец заждался, он каждый день копил силы, чтобы наконец выбраться на свет.

Но в тот самый день он не только лишился отца — он стал позором и посмешищем для всего клана Чжулун. Он помнил, как с огромным трудом расколол скорлупу и пополз к отцу, помнил эти глаза — холодные, полные разочарования и отвращения.

Мужчина, чьи надежды не оправдались, даже не пожелал дать ему имя. Он лишь холодно бросил:

— Такой слабый... если выживешь — уже хорошо. Отныне будешь Чанмином (Долговечным).

Чанмин. Инь Чанмин. Имя, которое стало клеймом позора на целых семнадцать лет.

— У отца много детей. Он презирал меня за бесполезность и не любил.

В глазах Шэнь Ци промелькнул ледяной блеск. Он спрятал лицо, продолжая тихо говорить. Он был полностью поглощен странным чувством физической близости, крепко держа Му Цунъюня, не давая ему ускользнуть. Воздух вокруг был наполнен прохладным ароматом трав — уникальным запахом Му Цунъюня. И сейчас этот запах не вызывал отвращения, напротив — он почти опьянял.

— Они думали, что я ничего не замечаю. Но на самом деле я помню всё.

В глубине души Шэнь Ци бушевал шторм, но движения его оставались мягкими, исполненными глубокой зависимости. Он зарылся лицом в шею Му Цунъюня, доверчиво потираясь щекой, точно маленький зверек, лишенный безопасности.

— Все меня ненавидят. Только ты, Старший брат, другой.

Сердце Му Цунъюня дрогнуло. Он понимал все сомнения и тревоги Шэнь Ци, потому что сам прошел через нечто подобное. Именно из-за этого понимания он всегда был так снисходителен к нему.

Он медленно выдохнул, перестал сопротивляться объятию и, немного неловко, обнял Шэнь Ци в ответ, ласково похлопав по спине. Его голос невольно стал мягче:

— Больше этого не повторится.

Шэнь Ци тихо ответил «м-м» и прижался еще теснее.

Объятие длилось долго, пока луна в небе не скрылась за облаками. Му Цунъюнь был вынужден пошевелиться и слегка похлопал его по плечу:

— Ну всё, иди отдыхай.

Он даже засомневался, не уснул ли Шэнь Ци.

К счастью, тот не спал. Услышав приказ, он наконец разжал руки.

Освободившись от оков, Му Цунъюнь почувствовал невероятное облегчение. Увидев, что Шэнь Ци все еще стоит на месте, он указал в сторону комнаты и поторопил его:

— Живо спать.

Шэнь Ци всё еще смаковал ощущение от объятия. Впервые он понял, что такие липкие, близкие контакты могут приносить такое удовольствие, к которому даже можно привыкнуть.

В его глазах вспыхнул странный огонек. Он снова оценил стоящего перед ним человека и в голове у него созрел новый план.

подавив рвущуюся наружу усмешку и спрятав всю свою злобу, он произнес тоном, которому Му Цунъюнь был не в силах отказать:

— Мне страшно одному... Можно мне поспать с тобой, Старший брат?

<http://bllate.org/book/21007/2135826>